

ки зрения историка, комментарий. Комментатор зачастую совсем не считается с хронологией, даже самой элементарной: правление Филиппа II он начинает с 1183 г., а не с 1180 г. (с. 255); христианский праздник Всех святых датирует то 1 ноября, что верно (с. 279), то 1 сентября, что неверно (с. 283); вместо 2 июня 1202 г. (Троица) на с. 267 указывается 2 июля 1202 г. и пр. Общеизвестные факты преподносятся порой в до крайности искаженном виде. «Белыми аббатами», полагает О. Смолицкая, «назывались священники, не принявшие монашеского обета» (с. 266), — но священники и не обязаны были принимать такие обеты! Орден иоаннитов, оказывается, был основан в Иерусалиме в 1070 г. крестоносцами (с. 274). Однако ведь крестовые походы-то, о чем О. Смолицкая могла бы прочитать и в школьном учебнике, начались только через четверть века после этой «даты»! (На самом деле иерусалимский госпиталь св. Иоанна учредили около 1070 г. торговые люди из итальянского города Амальфи.)

Для уничтожения вражеских кораблей «византийцы часто применяли... бенгальский огонь» (с. 275), но в комментируемом тексте хронистом описывается совсем иной способ, примененный греками, и «бенгальский огонь» тут вовсе ни при чем (да и вообще-то говоря, речь должна была бы идти, конечно, о «греческом огне», а не о каком-то «бенгальском огне»). Если верить О. Смолицкой, то в 1186 г. «Валахия и Болгария откололись от Византии» (с. 274): в действительности независимость обрела именно Болгария — возникло Второе Болгарское царство, государства же под названием «Валахия» вообще не существовало. Видимо, только у Дюканжа комментатор сумела вычитать, что «комнены», т. е. куманы, иначе — половцы, — это «одно из скифских племен» (с. 280). Достаточно было взглянуть в историческую энциклопедию, чтобы узнать, что куманы, или половцы, — тюркские племена и к скифам, исчезнувшим еще во время великого переселения народов как этническая общ-

ность, не имеют отношения. Комментатор, далее, поясняет читателю, что дата турнира в Экри, где приняли обет крестового похода графы Шампани и Блуа, — 28 ноября 1199 г. (с. 256). Как раз тогда, по сведениям хрониста, было «начало адвента». Не задумываясь над поразительными несоответствиями, О. Смолицкая уверяет, будто «адвентом называется рождественский пост у католиков» (там же). Однако Рождество ведь отмечается 25 декабря, каким же образом «начало рождественского поста» пришлось на 28 ноября? Немудрено, что подобные пояснения в состоянии разве что запутать читателя! Нетрудно было между тем справиться, что адвент — это время литургических приготовлений к рождественским праздникам и что он начинается за четыре недели до 25 декабря: и дата 28 ноября, и «рождественский пост», составляющий часть подготовки к Рождеству, в таком случае ставятся «на место».

Каково читателю в довершение сказанного узнавать, что «венецианцы брали на себя расходы по питанию людей и лошадей»! (с. 264) (куда смотрел издательский редактор: «питать лошадей!»)? Или что Танкред был «сицилианским королем» (с. 265) (во всех учебниках — «сицилийский!»)? Или что «мегадука» — это «мегадук» (с. 272)?

Число подобных нелепостей, вводящих в заблуждение, легко увеличить, притом многократно.

Вывод из всего сказанного один. Предпринятое издание — в части, содержащей перевод хроники Жоффруа де Виллардуэна и тексты, либо предваряющие его, либо так или иначе к нему относящиеся, — пример по меньшей мере легкомысленного подхода к столь ответственному делу. Во всем — от устарелых псевдоисторических взглядов, которые получили отражение в статьях ответственного редактора и переводчицы, до комментария — проявляется очевидная некомпетентность тех, кто подготовил рецензируемую книгу.

М. А. Заборов

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОКОПИАНА 80-х ГОДОВ

В мире выходит все больше литературы, посвященной Прокопию Кесарийскому. Помимо трех переводов «Гайной истории» (третьего издания немецкого перевода: *Prokop. Anekdoten. Griechisch-Deutsch/Ed. O. Veh. München; Artemis. 1981. 337 S.*; болгарского: *Прокопий. Тайната история / Пер. И. Генов. София: Народна култура, 1983. 127 с.*; венгерского: *Prokopios. Titkos történet. Historia Arcana / Übers., Komm. von I. Kapitány. Bp., 1984. 218 S.*), за последнее пятилетие увидело свет не менее 30 специальных статей. Мы остановимся лишь на некоторых из них, объединив эти работы в несколько групп.

В большинстве работ та или иная тема,

связанная с Прокопием, исследуется на материале соответствующих выдержек из его сочинений: так, традиционный сюжет — религиозные убеждения историка — рассмотрен в статье *Veh O. Prokops Verhältnis zum Christentum // Überlieferungsgeschichtliche Untersuchungen. B., 1981. S. 579—591*). По мнению автора, Прокопия нельзя считать ни замаскированным язычником, ни ревностным христианином; он прагматик, и главное для него — политические интересы империи, а не философские и теологические вопросы. О. Фей, таким образом, несколько упростил ту картину сложных напластований в мировоззрении историка, которую сам нарисовал в своей монографии¹.

¹ *Veh O. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Prokop von Caesarea. Bayreuth, 1951—1952. Vol. II. S. 16—30.*

В целом давнишний спор о религиозности Прокопия можно на сегодняшний день считать завершенным.

В статье: *Spigno C. Di La Tyche e i diritti della ragione nei primi due libri dei «Bella» procopiani // Studi bizantini e neogreci. Galitina, 1983. P. 343—346* отстаивается тезис о том, что приверженность традициям закономерно ведет Прокопия к отрицанию грубого «империализма» Юстиниана.

Крупный вклад в решение проблемы конституции прокопиева текста внесла работа: *Perrin-Henry M. La place des listes toponymiques dans l'organisation du livre IV des Edifices de Procope // Geographica Byzantina. P., 1981. P. 93—105*, продолжающая длительную традицию изучения структуры трактата «О постройках». В статье доказывается, что IV книга в ее нынешнем виде представляет собой контаминацию трех различных редакций: вторая ее часть была написана раньше предшествующей и первоначально рассматривалась как продолжение книги I (р. 96—97); в своем расширенном варианте I книга была, видимо, зачитана при дворе устно; получив задание превратить панегирик в трактат, Прокопий собирался начать его с раздела, открывающего теперь IV книгу (р. 98); кроме того, ее конец содержит наметки раздела о внутренней Фракии, не получившего развития и превратившегося в простой список; в отличие от него первый список в IV книге с самого начала мыслился лишь как информационное приложение к соответствующим главам. Отметим также остроумную догадку автора (р. 102) о том, что топонимы, локализуемые в Подунавье, передаются в списках Прокопия с большими фонетическими искажениями, поскольку тамашнее варваризованное население так их воспроизводило.

Этнографическим и географическим сведениям, их значению в повествовании Прокопия посвящена статья: *Cesa M. Etnografia e geografia nella visione storica di Procopio di Cesarea // Studi classici e orientali, 1982. Vol. 32. P. 189—215*. Автор ставит эту традиционную проблему по-новому: какова функция дополнительных сведений в художественной ткани трудов историка (р. 190)? Отказываясь от изолированного рассмотрения «экскурсов», М. Чеза отмечает, что этнографический материал чаще всего растоврен в историческом контексте. Характерно, что при изучении восприятия Прокопием мира «варваров» автор отказывается от господствовавшей длительное время концепции, согласно которой представление о них оставалось неизменным на протяжении всей византийской истории (р. 204).

В другой работе М. Чезы (*Cesa M. La politica di Giustiniano verso l'occidente nel giudizio di Procopio // Athenaeum. 1981. Vol. 69. P. 389—409*) исследуется отношение Прокопия к завоеваниям Юстиниана и делается вывод, что присоединенные к империи территории не воспринимались византийцами как органическая составная часть единой империи.

Э. Томпсон в своей статье (*Thompson E. Procop on Brittia and Britannia // The Classical Quarterly. 1980. Vol. 30, N 2. P. 498—507*) доказывает, что «Британия» для Прокопия не остров: она отделена морем не от Европы, а только от Испании. Это Бретань, а «Бриттия» — Англия. Можно заметить, что такое толкование все-таки не разъясняет всех вопросов: например, если «Британия» не остров, то почему Прокопий сравнивает ее размеры с размерами «острова» Фуле (VI, 15, 4)? Видимо, правильнее было бы сказать, что в фантастической картине, нарисованной историком, отражаются наряду с прочими и черты Бретани.

Статья Г. Фатуроса (*Fatouros G. Zur Prokop-Biographie // Klio. 1980. Bd. 62. S. 517—523*) состоит из четырех небольших этюдов: в первом предпринимается попытка доказать, что эпитет «ритор» не означал юридической специализации Прокопия; во втором утверждается, что историк был лично знаком с Юстинианом с 532 г.; в третьем автор показывает, что контекст VI, 5, 26 был написан не раньше 549 г. Четвертая часть посвящена «проклятому» вопросу о хронологии «Тайной истории». Автор считает, что упоминание об Италии как о завоеванной стране неизбежно приводит к 552 г. как *terminus post quem* создания памятника; предисловие же к нему написано уже после смерти Юстиниана, следовательно, можно думать, что историк умер позже него.

Э. Малтесе предлагает свое прочтение одного испорченного места из «Тайной истории» (*Maltese E. Historia arcana. V. 12 // Parola del passato. 1980. Fasc. 193. P. 271—272*). Отметим, что, перечислив семь предшествующих контекстов, автор упустил один из вариантов, предложенных М. Крашенинниковым в юрьевском издании 1899 г. (р. 150).

Появился за последние годы и ряд работ сравнительного характера, в которых Прокопий сопоставляется с какими-либо античными образцами. Такова, например, статья: *Baldwin B. An Aphorism in Procopius // Rheinische Museum. 1982. Bd. 125. P. 309—311*. Историк вкладывает в уста императрицы Феодоры изречение о том, что царская власть — прекраснейший саван (I, 24, 37). Впервые эта сентенция встречается еще у Исократы, но, по мысли автора, в VI в. она была известна благодаря посредству Диодора. Вряд ли можно согласиться с Б. Болдуином, когда он приписывает эти слова реальной Феодоре — наверняка сам Прокопий в полном соответствии с канонами греческой историографии придумал речь императрицы.

Та же речь исследуется и Д. Ивенсом (*Evans J. The «Nika» Rebellion and the Empress Theodora // Byz. 1984. Vol. 54, N 2. P. 381—382*), которому, впрочем, работа Болдуина неизвестна. Автор также указывает на литературные аллюзии в прокопиевых речах, однако его внимание сосредоточивается как раз на том, что Болдуин оставил без рассмотрения: на семантическом контрапункте между первоначальной цитатой и ее преобразованием у Прокопия. Если Диодор

говорит о тирании, то византийский историк подставляет на ее место царскую власть: образованный читатель без труда мог понять, что Прокопий намекает на тиранический характер правления Юстиниана.

В жанре «синкрисиса» выполнена работа: *Аристотелус Е.* Кратка паралела помечу Прокопиј Кесариски и Тукидид // Жива Антика. 1980. Т. 30. С. 217—225. В общем, как и следовало ожидать, оказывается, что у Прокопия с Фукидидом много общего, однако много и различий: первый суверен, а второй нет (с. 219), но у обоих предметом изображения являются война и политика (с. 224—225); первый аристократ, а второй демократ (с. 225), тем не менее обоим присущ научно-критический подход (с. 218) и т. д. Независимо от намерения автора, Прокопий при таком подходе предстает некоей совокупностью ничем между собой не связанных свойств, каждое из которых куда удобнее по отдельности сравнивать с соответствующими по «рангу» свойствами другого человека, чем с другими уровнями той же личности. Следует признать, что выработка целостной концепции личности Прокопия (задача, успешно решенная в отношении некоторых других византийских авторов) еще не завершена.

Интересная информация собрана в статье А. Бжостковской (*Brzostkowska A.* *Anaxyrides u Prokoka z Cesarei na tle greckiej i rzymskiej tradycji literackiej* // *Eos*. 1980. Vol. 68, N 2. S. 251—265), рассматривающей вопрос об одежде древних славян в свете античных коннотаций термина «анаксириды» у Прокопия. Соответствующее место в его «славянском экскурсе» всегда вызывало большие трудности у переводчиков. По мнению автора, анаксириды, поскольку речь идет о славянах, могли быть названы своего рода чулки (с. 264).

Отдельно стоит сказать о тех работах, в которых достоверность Прокопия подвергается внетекстовыми методами. Небольшие тезисы (*Cherf W.* *Carbon-14 and Procopius' De Aedificiis* // VIII Annual Byzantine Studies Conference. Abstract. Chicago, 1982. P. 44) посвящены опровержению трактата «О постройках»: по утверждению автора, радиоуглеродный анализ показывает, что Юстиниан сам почти ничего не строил, а лишь приписал себе результаты двух предшествующих строительных периодов — 370-х и 450-х годов. Специалистам судить, можно ли на основании метода С-14, дающего значительный хронологический разброс, осуществлять передатировку в пределах нескольких десятилетий.

В работе: *Whitby M.* *Procopius' description of Martyropolis* (BSL, 1984. Vol. 45. P. 177—182) Прокопиево описание Мартирополи сравнивается с его развалинами, сохранившимися в современном Силване. Автор приходит к вы-

воду, что в целом данные историка правильны, но частности искажены.

Особого внимания заслуживает работа Б. Кроука и Д. Крау, в которой свободное владение источниками сочетается с привлечением нового археологического материала (*Croke B., Crow D.* *Procopius and Dara* // *The Journal of Roman Studies*. 1983. Vol. 73. P. 143—159). В первой части статьи (р. 144—150) данные Прокопия о юстиниановом строительстве сопоставляются с другими письменными свидетельствами, в ряде случаев опровергающими утверждения историка. Чрезвычайно интересным представляется вывод авторов, сделанный ими на основе анализа найденных до сих пор строительных надписей, о том, что на восточных границах строительство осуществляли в основном церковные учреждения, муниципальные власти и частные лица, а в Африке — армия (р. 148). Вторая часть статьи (р. 151—159) посвящена особенно городу Дара, т. е. сравнению того, каким он предстает у Прокопия, с результатами последних археологических раскопок. По словам авторов, и стены и акведуки города были лишь слегка подновлены Юстинианом, основное же строительство велось при Анастасии. Их суждение о Прокопии сурово: всякий раз, когда его сообщение удается сравнить с реальностью, оно оказывается ложным (р. 156). Пожалуй, подобный вывод излишне категоричен²; в порядке «апологии» византийского историка можно было бы сказать, что отчет Юстинианова правления с 518 г. не есть подтасовка с его стороны (р. 146) — он прямо заявляет, что фактически за Юстина правил Юстиниан; кроме того, в работе встречаются произвольные допущения, к примеру, будто Анастасий не мог не сделать сам многого из того, что приписывается Юстиниану, а последний не мог ремонтировать то, что было построено незадолго до того; наконец, Кроук и Крау указывают, что многие города, укрепленность которых накануне юстиниановой перестройки Прокопий считает слабой, успешно выдержали персидскую осаду (р. 147), но чуть ниже (р. 153) сами приводят данные, из коих явствует, что почти все города потому и выдержали осаду, что ранее были укреплены Юстинианом.

* * *

Хотя поток статей о Прокопии все более возрастает, специальных монографических исследований о нем не появилось уже больше 30 лет (если не считать популярной книги Д. Ивенса 1972 г.), и это не случайно: традиционные подходы к нему до сих пор страдают определенной парцеллярностью, которая ограданна, когда исследователю надо что-то узнать от Прокопия, но не о Прокопии. Здесь, как справедливо заметила Э. Кэ-

² Во многих случаях известия Прокопия оказываются абсолютно точными — из недавних раскопок ср.: *Avigad N.* *A Building Inscription of the Emperor Justinian* // *Israel Exploration Journal*. 1977. Vol. 27. P. 148.

мерон³, историк сам с обманчивой легкостью ведет ученых по пути биографических и анекдотических подробностей. Но можно ли всецело доверяться тому, что он сам о себе рассказывает? Эта титаническая фигура одинока в своем времени: византийская историография первой половины VI в. — один Прокопий, и отсутствие внешней по отношению к нему точки опоры мешает целостному взгляду. Представляется, что тут имеются два возможных выхода. Первый — попытаться реконструировать тот культурный фон, в условиях которого жил и творил автор. Таким путем идет вышеупомянутая Эверил Кэмерон; уже не раз обосновывавшийся ею вывод, что Прокопий не был тем «скептиком», каким его принято считать, в данном случае (*Cameron Av. The Sceptic and the Shroud. Inaugural Lecture. L., 1980. 16 p.*) имеет прикладное значение: будучи правверным христианином, историк обязательно упомянул бы об эдесской святыне, знай он о ней хоть что-нибудь (р. 7), — следовательно, легенда о «спасе нерукотворном» возникла позже. Девиз английской исследовательницы: «Прокопий не то, чем он кажется» (р. 6) — может оказаться в будущем чрезвычайно плодотворным.

Другой возможный путь — это выход на «клеточный» уровень анализа текста, позволяющий проникнуть в него как бы «с черного хода». Исследуя мельчайшие нюансы словоупотребления, ничтожные стилистические флюктуации, можно попробовать разобраться не только в том, что писатель не предназначал для народования, но даже в том, что он сам не осознавал. Однако для этого необходимо тезаурус. Собственно, первая попытка создания словаря к Прокопию, пусть фрагментарной и весьма несовершенной, была сделана еще Ф. Даном⁴; на необходимость конкорданса и словаря указывал Б. Рубин⁵. Однако его до сих пор не существует и исследователям, оперирующим понятиями лексической семантики, приходится действовать на свой страх и риск. Методика подобного исследования находится пока в стадии становления. Приведем примеры работ, использующих этот «клеточный» подход.

В статье И. Голдстейна «Град Норик код Прокопија» (Исторически Гласник. 1982. Т. 1/2. С. 31—36) обоснованно опровергается гипотеза С. Антоляка о том, что *Νορικὸν πόλις* в контексте VII, 33, 10 нужно понимать как «область». Чтобы позиция И. Голдстейна была безупречной, ему следовало бы принять на себя тяжкий труд проверить все случаи употребления Прокопием слова *πόλις*, однако он ссылается всего на три контекста (с. 32), и это, конечно, не доказательство, а лишь иллюстрация. Переходя далее к понятию *χωρίον*, автор утверждает, что так не могло называться село (с. 33). Однако если проанализировать все кон-

тексты этого слова, то станет ясно, что оно вполне может означать деревню (ср.: VI, 20, 27—28; Тайн. ист., 23, 15; 26, 17; 30, 19; Постр., II, 4, 3; V, 2, 1 и др.). Кроме того, Голдстейн считает, что *χωρίον* — это обязательно поселение без стен и потому противопоставляется в контексте VII, 33, 10 термину *οὐρούριον* и *πόλις*. Между тем ни одного примера из Прокопия автор не приводит, а ссылается почему-то на несколько мест из Никиты Хониата. В действительности же и города могли быть без стен (ср.: Постр., IV, 2, 27), и *χωρίον* — со стенами (ср.: VI, 29, 39; VII, 19, 6; 26, 2; Постр., IV, 1, 18; 6, 32 и др.). Здесь важнее всего был административный статус. Как правило, *χωρίον* у Прокопия оказывается больше, чем *οὐρούριον* (1, 3, 15; VI, 7, 31; Постр., II, 1, 5; IV, 3, 8 и др.), однако главное различие их состояло не в размерах, а в том, что *οὐρούριον* не могла быть самостоятельным поселением, но лишь военным объектом. Все сказанное отнюдь не умалет значения работы Голдстейна, показывая только, что лексико-семантический подход к источнику нуждается в дальнейшей разработке.

То же можно сказать и о статье Ж.-Ф. Дюно и Ж.-П. Ариньона (сопьемся на русский перевод: Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного. — ВВ. 1982. 43. С. 64—73); мы позволим себе остановиться на ней подробнее. «В пространственном отношении, — говорится в статье, — «римская земля» имела точно установленные границы, для обозначения которых Прокопий использует термины *ὄρια* и *ἐσχατιαί*» (с. 66). В доказательство авторы ссылаются на 10 контекстов с *ὄρια* и на 2 — с *ἐσχατιαί*. Однако мы насчитали у историка по крайней мере 63 случая употребления *ὄρια* и 23 — *ἐσχατιαί*. Кроме того, авторы почему-то вообще не обратили внимания на однокоренные с вышеприведенными слова *ὄροι* и *ἐσχατα*, встречающиеся соответственно 16 и 22 раза. Если бы совокупность контекстов использовалась авторами целиком, они, возможно, обратили бы внимание на такие пассажи: «*Ὀρία* Палестины простираются на восток вплоть до Красного моря» (I, 19, 2); «Он построил крепость на самом краю иллирийских *ὄρια*» (Постр., IV, 6, 36); «Все городки, которые находятся на окраинах (*ἐσχατιαίς*)!» ефратийских *ὄρια*» (Постр., II, 9, 1). Ср. еще: I, 4, 10; 12, 12; 15; II, 17, 1; 29, 19; 20; VIII, 9, 20; 16, 17; Постр., II, 8, 4; III, 6, 26. Итак, *ὄρια* — это прежде всего территория, а *ἐσχατιαί* — ее окраины. Следовательно, граница в VI в. воспринималась не как линия соприкосновения двух суверенитетов, а лишь как конец и тем самым часть собственной территории. Уже сама эта терминология в «свернутом» виде несет в себе имперскую идею, но разобраться, была ли она прямым

³ *Cameron Av.* Рец. на кн.: Evans J. Procopius. . . // The Journal of Roman Studies. 1973. Vol. 63. P. 298.

⁴ *Dahn F.* Prokopius von Cäsarea. B., 1865. S. 416—447.

⁵ *Rubin B.* Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954. Col. 37.

наследием римского великодержавия или заново возрождена Юстинианом — задача, решение которой еще предстоит.

Дюно и Ариньон утверждают, далее, будто Прокопий потому употребил слово *ἐσχατία* применительно к Рейну, что по-прежнему рассматривал его как границу империи, которая только и может называться этим словом (с. 66—67). Однако рассмотрение всех контекстов (равно как и всех употреблений синонимичного *ἐσχατα*) не подтверждает подобного вывода: так могут называться у историка окраины любых других государств, провинций и городов (ср. I, 3, 2; 5, 4; II, 9, 10; 29, 28; 30, 34; III, 3, 14; IV, 10, 28; V, 12, 16; 30; VI, 2, 7; 11; 12, 29; VIII, 20, 5; 35, 2; 4; Постр., VI, 6, 17; 18).

Третий способ обозначения границы, по мнению Дюно и Ариньона, — это слова *ἐντός* — *ἐκτός* («по сю — по ту сторону» водных рубежей). Вот что они пишут: «Говоря о Фасисе, Прокопий отличает области, лежащие „по эту сторону“ (*ἐντός*) и являющиеся территорией Римской империи, от областей, расположенных „по ту сторону“ (*ἐκτός*) и подвластных империи Сасанидов... Для Прокопия правый, римский берег реки является европейским, в то время как левый берег, подвластный персам, находится в Азии» (с. 66). Заметим, что в действительности Прокопий всегда описывает Черное море не по, а против часовой стрелки (II, 29, 16—25; III, 1, 11; VIII, 2, 1—20; 4, 1—13; 5, 23—33), так что именно левый берег Фасиса был для него *ἐντός*; во-вторых, Сасанидам не принадлежал ни один из берегов. Главное же состоит в том, что как *ἐντός*, так и *ἐκτός* Фасиса для Прокопия лежала страна Лазика: «Лазика труднопроходима как *ἐντός*, так и *ἐκτός* реки Фасис» (II, 29, 24); «Европейскую часть населения лазы, на противоположном берегу Лазика лежало пресловутое руно» (VIII, 2, 29—30). Итак, признав *ἐντός* — *ἐκτός* есть лишь географический, а не политический ориентир. Авторы статьи считают, что реально западной границей Византии считалась р. Родан (с. 68), поскольку Прокопий в отношении нее оперирует понятиями *ἐντός* — *ἐκτός*. Однако они же употребляются и при описании, скажем, Гибралтарского пролива (III, 1, 18) или Сицилии (VI, 6, 27).

Чрезвычайно интересно другое, чего вообще не заметили Дюно и Ариньон: понятия «по ту» и «по сю сторону» неизбежно локализируют местонахождение наблюдателя. Казалось бы, для Прокопия такой точкой обзора может быть только Константинополь. Ничуть не бывало! Описывая плавание по Красному морю, автор рассуждает как житель Эфиопии (1, 19, 19); рассказывая о переселении герулов в империю, он как бы вместе с ними приближается к Дунаю с севера (VI, 14, 23 — издатели предпочитают здесь необоснованную конъектуру). Го-

воря об Италии, историк всегда принимает италийскую ориентировку (V, 15, 15; 20; 24; 28; VI, 20, 21; VII, 22, 22; VIII, 23, 4), а в повествовании о восточных войнах меняет угол зрения, глядя то с византийской (II, 15, 7), то с персидской стороны (I, 17, 23; 25; 34). Это, кстати, совершенно сбивает с толку Дюно и Ариньона (с. 66), о чем здесь не время говорить подробнее.

Приведенный нами материал дает возможность поразмышлять о методах работы Прокопия с источниками, а равно и о его тайных политических симпатиях: Италия для историка — это страна, существующая сама по себе, и ее интеграция в империю невозможна (ср. выводы упомянутой выше статьи М. Чезы); при этом совершенно отдельной представляется Прокопию область к северу от р. По (ср.: V, 12, 20; VI, 29, 2). Все эти интересные вопросы, к сожалению, оставлены без внимания Дюно и Ариньона.

Переходя от Прокопия к Константину Багрянородному, авторы отмечают полную смену соответствующей лексики от VI к X в. (с. 72—73), что они объясняют упрощением языка. Однако внимательный семантический разбор свидетельствует о том, что за изменением терминов проглядывает важная трансформация политического самосознания. В один год со статей Дюно и Ариньона вышла работа Т. Лунгиса⁶, который доказывает, что Константин Багрянородный открыто порвал с ойкуменистической традицией Юстиниана. Материал, сведенный в статье Дюно и Ариньона, блестяще подтверждает эту гипотезу, но сами они далеки от такой его интерпретации. И все-таки, несмотря на все огрехи, их исследование показывает, сколько возможностей таит в себе реально-семантический анализ Прокопия.

Образцом же такого анализа можно назвать работу Г. Гаджера (*Gaggero G. Osservazioni sulla terminologia politica di Procopio // Studi bizantini e neogreci. Galatina, 1983. P. 217—230*), в которой скрупулезно исследовано словоупотребление Прокопия в области политической терминологии; прослежены все контексты с *κράτος*, *ἐπικράτεια* и *ἐπικράτης* у всех ранневизантийских историков. Автор отказывается от традиционной концепции, согласно которой язык Прокопия якобы «слепое подражание» Фукидиду, и справедливо утверждает, что новая политическая реальность неизбежно требовала от писателя инноваций, непривычных терминов. Далее следует убедительное обоснование тезиса, в соответствии с которым использование нюансов значения *ἐπικράτης* призвано было поддержать официальную точку зрения о незаконности готской власти в Италии (р. 229). Но это лишь магистральный вывод статьи, сама же она дает материал для множества других интересных наблюдений. В заключение — одно замечание: классифицируя контексты со словом *ἐπικρά-*

⁶ *Lounghis T. L'histoire géographique de l'époque macédonienne et la domination byzantine sur les peuples du Sud-Est européen d'après les traités de paix du IX siècle // Balkan Studies. 1981. Vol. 21, N 1.*

7715, Г. Гаджеро прежде всего выделяет группу случаев, когда Прокопий не отклоняется от фукидидова словоупотребления (р. 223), — если проверить указанные контексты, то окажется, что все они без исключения взяты из речей персонажей, т. е. из наиболее подражательной части сочинений Прокопия. Таким образом, произведенный Г. Гаджеро лексический анализ, вполне удовлетворяя требованиям всеохватности, не учитывает стилистической (а также хронологической — в пределах творческого развития писателя) стратификации его лексики. Это перспективное направление еще ждет своего исследователя.

В настоящем обзоре⁷ мы не касались тех работ, где данные Прокопия используются в целях, не способствующих пояснению позиции писателя по тому или иному вопросу (например: *Mout-*

sos D. Latin casula and Balkan katsoûla // Zeitschrift für Balkanologie. 1983. Bd. 19. S. 48—65). Поневоле за пределами обзора остались недоступные нам статьи: Emmet A. Digressions in Procopius // Byzantine Studies in Australia. 1980. 6. P. 9—10; Henry M. An Episode in the Relations Between Theodora and Antonina: the Marriage of Joannina // Ibid. 1982. 10. P. 5—6; Max G. Majorian's Intelligence Embassy // The Ancient World. 1980. Vol. 3. P. 61—63; Tosi R. Note a Procopio // Museum criticum. 1980—1982. Vol. 15—17. P. 203—204; Gagzero G. La fine dell' Impero Romano d'Occidente nell' interpretazione di Procopio // Studi in onore di A. Biscardi. Milano, 1984. Vol. V. P. 87—120.

С. А. Иванов

⁷ Обзор уже был сдан в печать, когда нам стала доступна монография: *Cameron Av. Procopius and the VI Century. Berkeley 1985*), а также: *Prokopios z Kaisareie. Válka s Peršamy a Vandaly; Válka s Góty. Pr., 1985. Vol. I—II. 379+438 s.*

Symposium on Byzantine medicine / Ed. J. Scarborough // DOP. 1984. Vol. 38. XVI+282 p.

Очередной том DOP содержит материалы первого симпозиума по византийской медицине, состоявшегося в 1983 г. В обобщающих трудах по истории медицины византийский период представляется, как правило, временем тысячелетнего застоя, породившего лишь многочисленные компиляции, созданные на основе трудов классической древности. Работы, должные симпозиуму, показательны в двух отношениях. Во-первых, пристальное внимание к византийским текстам позволило обнаружить исследователям постоянную активность мысли византийских медиков, что заставляет иначе оценить общее развитие медицины в Византии. Во-вторых, симпозиум вновь подтвердил ту истину, что история средневековой науки должна изучаться не только как история развития собственно научных идей, но рассматриваться в широком историческом и культурном контексте эпохи. Только тогда она оказывается способной воссоздать живую картину деятельности медиков, разобраться в их мировоззрении, выявить уровень образованности, установить социальное положение целителей и реально представить эволюцию медицинской теории и практики.

Открывается сборник исследованием В. Наттон, посвященным некоторым аспектам медицинской практики в поздней античности (*Nutton V. From Galen to Alexander: Aspects of Medicine and Medical Practice in Late Antiquity. P. 1—14*). В качестве основного направления медицины в этот период выделяется галенизм. С укреплением христианства распространяется идея чудесного исцеления, нашедшая яркое отражение в Новом завете и затем в житийной литературе. Однако большая часть населения еще дол-

гое время оставалась языческой и прибегала к привычным методам лечения. Источники сохранили сведения об обращении к теургии — языческому эквиваленту христианских чудес.

Особая проблема — изучение социального статуса «физиков» (как часто называли врачей). Автор отмечает характерное для данного периода растущее социальное расслоение среди людей этой профессии. Законодательные памятники свидетельствуют об усилении влияния придворных медиков, в то время как провинциальные «физики» тщетно пытаются удержать свои небольшие привилегии. В V—VI вв. многие врачи занимают выдающееся положение в обществе, участвуют в дипломатических переговорах, становятся епископами.

Эта тема разработана шире в докладе Б. Балдуина о роли врачей в ранневизантийской истории и политике (*Baldwin B. Beyond the House Call: Doctors in Early Byzantine History and Politics. P. 15—19*). Несомненно, врачи принадлежали к образованнейшим людям своего времени. Греческая медицина всегда была тесно связана с философией и риторикой, и лучший пример тому — труды Галена. Освещающая деятельность Орибасия, выдающегося медика, придворного врача Юлиана Отступника, Виндиклана, проконсула Африки, Маркела из Бордо и других лекарей автор констатирует возросшую роль медиков в политической жизни ранней Византии.

Проблемы обучения и практики врачей рассмотрены в статье Дж. Даффи (*Duffy J. Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice. P. 21—27*). В ранневизантийский период на греческом Востоке существовали два пути овладения этой